

УДК 008

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-340-348

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ПРАЗДНИКА. РЕТРОСПЕКТИВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ**THE ANALYSIS OF THE FESTIVE CONCEPTIONS.
RETROSPECTIVE REFLECTION****В.В. Кибалко****V.V. Kibalko**Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7Belgorod state institute of arts and culture,
7 Korolev St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: fiokla-07@mail.ru

Аннотация

Данная работа представляет собой изучение и осмысление феномена праздника с помощью анализа восьми наиболее популярных и изученных концепций, представленных в историческом развитии. Все проанализированные концепции представляют собой детальное рассмотрение праздника с какой-либо определенной стороны. В работе обосновываются плюсы и минусы концепций, выявляются наиболее влиятельные, определяется их роль в понимании феномена праздника. Главной целью научной работы является всестороннее рассмотрение праздника через существующие концепции, а также увеличение интереса к данному феномену и его изучению.

Abstract

In this work reader can see research and reflection of the phenomenon of the feast. This is realized by analyze of feast conceptions presented in historical development. Each concept is a special full-fledged doctrine of the feast and a unique research, but for the completeness of the vision of the feast phenomenon, it is necessary to consider if not all concepts, then their overwhelming majority. It is then that the holiday as a phenomenon will become voluminous, will show its diversity and versatility. We are consider the eight most popular and studied conceptions. All of them are a detailed consideration of the holiday from any definitely side: religious views, work, borrowing, links with the life ideal, social connections, games, or the idea of the festive essence of man. The work proves the pros and cons of concepts, reveals the most influential, determines their role in understanding the phenomenon of the holiday. The main goal of the scientific work is a comprehensive consideration of the holiday through existing concepts, as well as an increase in interest in this phenomenon and its study.

Ключевые слова: праздник, концепции праздника, труд, миф, религия, игра, история, праздничная культура.

Keywords: feast, festive conceptions, labor, myth, religion, game, history, festive culture.

Откуда пришел праздник, как он появился, с чем связан – эти и многие другие вопросы возникают при рассмотрении праздника в качестве феномена, явления, или неотъемлемой части человеческой бытности. Богатство имеющихся определений и функций праздника, изучаемых различными исследователями позволяет понять, что феномен праздника располагает значительным объемом концепций, детально и полно характеризующих какую-либо избранную исследователем сторону праздника. Учеными было предпринято множество попыток объединить труды, создать общую теорию праздника, но прийти к общему решению было невозможно из-за многофункциональности праздника и

его связи с социальными отношениями, мифологией, трудовой деятельностью, годичным циклом, религиозными воззрениями и многими другими элементами. Поэтому главной задачей работы можно считать подробную характеристику и сравнительный анализ концепций праздника, а также изучение их влияния на восприятие праздника в современном пространстве. Одна из наиболее известных и разработанных концепций, создателем которой выступил В.И. Чичеров (XIX–XX вв.), является трудовая (аграрная), представляющая собой осмысление праздника через призму трудовой деятельности. В.И. Чичеров считал, что трудовая деятельность является источником праздника и представляет собой точный фиксатор народного опыта, наблюдений, практики и, как следствие, наиболее точно определяет времена года [Чичеров, 2013]. Жизнь раннего общества была связана с тяжелым физическим трудом в тесном взаимоотношении с природой и её явлениями. Календарный год делился на временные отрезки по занятию трудовой деятельностью, а праздничная культура, в своем большинстве, состояла из праздников, посвященных труду, с подведением итоговой (сезонной черты), подготовкой к новому этапу работы, временным отдыхом. При внимательном рассмотрении календаря древних славян очевидно, что годичный цикл оказался разбит на приблизительно равные четыре части, отождествляемые с временами года. В каждом сегменте встречается ряд праздников, посвященных какому-либо виду сельскохозяйственных работ.

Еще один ученый, придерживающийся трудовой концепции, В.Я. Пропп, предложил «аграрно-производящую теорию», в которой базисом служат воззрения о первичной вере, магическое содержание обрядово-ритуального комплекса и первостепенная роль труда. По мнению В.Я. Проппа, каждый праздник с его обрядовым наполнением – вольная модель трудового поведения, зачастую перекликающаяся с симильной магией. Ученый склонен считать, что праздник – это «повторение сложившихся в труде навыков, обычаев, отношений» [Пропп, 2009, с. 24].

Популярность концепции праздника в XIX–XX в. была тесно связана с политическим строем. Повсеместно наблюдалась ориентация на труд, который стал основой государственности. Также стоит заметить, что трудовая концепция праздника двигалась в русле философской концепции труда, главенствующей в тот период времени (ярчайшим представителем которой можно назвать К. Маркса с его материалистическим пониманием развития человечества). Именно поэтому в России период наиболее интенсивного развития праздничной культуры приходится на период СССР. Праздничная культура советской эпохи стала важнейшим звеном в цепи становления профессиональных и современных праздников. Эти праздники были носителями идеи становления и развития рабочей молодежи, а целью, в свою очередь, выступала подготовка такого работника производства, для которого трудовая деятельность была бы надобностью первой необходимости и который показывал бы высочайшие результаты в производительности и качестве. Культурно-просветительские, досуговые и профсоюзные учреждения организовывали и выполняли большое количество разнообразной работы для подготовки и проведения специализированных мероприятий [Конович, 1990].

Трудовая концепция праздника, несмотря на свою изученность, развернутость и популярность, имеет немалое количество минусов, таких, например, как неучтенные факторы жизни общества: культуuroобразующие элементы, религиозные воззрения, социальные, экономические и политические аспекты и многое другое. Но самым главным недочетом является возведение трудовой деятельности в положение, главенствующее над всеми аспектами жизни человека и общества. По мнению критиков, эта концепция определенно должна была себя исчерпать в скором времени после создания, однако её значения явно недооценили – трудовая концепция стала основой изучения народной культуры, в том числе и праздничной. Благодаря дорабатыванию концепции, в рамках которой производились поиски необходимого, в том числе и этнографического, материала, современному человеку доступна информация о традициях, ритуалах, обычаях, песнях, заклинаниях,

приметах и заговорах его предшественников. Концепция также помогла, по мнению А. Мазаева, «осветить некоторые содержательные аспекты русского аграрного празднества» [Мазаев, 1978, с.48], проанализировать его и расширить уже имеющийся материал. Сам же трудовой праздник стал базисом зарождения особой уникальной культуры профессионального и корпоративного праздника. Таким образом, можно сделать вывод, что аграрный праздник прошлого, ставший основой трудовой концепции, стал исходной точкой развития профессиональной праздничной культуры настоящего.

В период активных революций, индустриализации, колониализма и затянувшегося экономического кризиса, которым характеризуется XIX век, происходит мощнейшее развитие науки, культуры и искусства. Тогда же появляется следующая, не менее популярная и интересная концепция, которая представляет собой понимание феномена праздника через религиозно-мифологические воззрения людей. Официальной датой зарождения концепции считается конец XIX века, когда ученые А. Афанасьев, А. Потебня и Ф. Буслаев, объединенные любовью к фольклору, сделали выводы относительно основы праздничной культуры, базирующейся на остаточных элементах культа солнца и мифологии.

Мифологическая концепция, истоком которой являются аналитические исследования древних культур, – концепция, представляющая собой детальное рассмотрение взглядов общества на окружающую действительность сквозь одушевление и поэтизацию природы, которая возводится во главу жизни человека. «Миф, приписываемый первобытному человеку, есть поэтический образ... это словесное выражение такого объяснения, при котором объясняющему образу, имеющему только субъективное значение, приписывается объективность, действительное бытие в объясняемом» [Потебня, 1989, с.259]. Праздник в такой концепции становится своеобразным «проводником» между миром человеческого и миром мистического. Человек, мысливший мифологично и образно, одушевлял природу, от которой зависела его жизнь, наделял её качествами, которые присущи людям или животным. «Божественная сущность, раскрывающаяся в природе, есть не что иное, как сама природа; она раскрывается, выявляется и напрашивается человеку как божественное существо» [Фейербах, 1955]. А. Афанасьев, исследуя исторический и художественный материал, остановился на суждении, что «поставленный в совершенную зависимость от внешних влияний человек признал природу за высочайшую волю, за нечто божественное, и повергся перед нею со смиренным младенческим благоговением» [Афанасьев, 2013, с.56].

Как уже указывалось, явления, сопровождающие жизнь и деятельность общества, создали годичное четырехчастное дробление годового цикла на сезонные сегменты, которые известны всем как времена года. В основном праздники посвящались рубежным точкам каждого из сезонов, как например, один из наиболее известных народных праздников Сороки, отмечающийся как день конца зимы и начала весны, знаменуемого прилетом птиц), явлениям (Покров, он же Зазимье – праздник посвященный первому снегу, покрывающему землю), событиям (празднование Февронии Русальницы знаменует собой уход с берегов русалок), которые происходят на протяжении всего года.

Немаловажным для понимания сущности праздника по мифологической концепции является то, что все совершаемое на празднике, вся обрядово-ритуальная основа завязана на религиозных верованиях, пантеистичных взглядах, природных явлениях и представляет собой форму магии, от которой напрямую зависит благополучие и благосостояние как конкретного человека, так и окружающего его общества в течение какого либо определенного срока [Хейзинга, 2007]. Имея сложную систему переходов дискретного характера, мифологическое сознание позволяет трактовать праздник «как специфический топос переходной зоны – в отличие от других границ этого рода, дискретность тут несколько смягчена, как бы размыта...становится возможна своеобразная чересполосица двух миров» [Линник, 2006, с.17]. Однако при всей разработанности, понятности и близости к восприятию и пониманию обществом, мифологическая концепция имеет некоторые недостатки, наиболее существенным из которых, по мнению А. Мазаева, выступает заблужде-

ние, «будто миф является прямым и непосредственным источником жизнедеятельности человека» [Мазаев, 1978, с.39], ведь немаловажное влияние на праздник оказывало довольно большое количество факторов.

Неоценимо количество привнесенных концепцией плюсов: детальное изучение религиозных воззрений древних славян, сбор материалов, включающих в себя народное творчество – сказки, песни, заговоры, заклинания, колыбельные, приметы и другие фольклорные элементы; фундаментальное исследование праздничной культуры. Мифологическая концепция представляет ценность, в первую очередь, как исследование в сфере праздничной культуры, но ценна она еще и тем, что материалы, положенные в её изучение, являются основой национальной идентичности и самосознания народа. «Пространство народной культуры гетерогенно и анизотропно. Это значит, что мы, двигаясь по нему, обязательно подойдем к некому порубежью, за которым начинается нечто иное» [Линник, 2006, с.15].

Близка мифологической концепции праздника концепция Д. Фрезера, базирующаяся на периоде жизни божества плодородия. Отправной точкой в создании его концепции стал миф о растительном божестве, отождествляемом с самой природой – он отвечал за плодородие почвы, восход побегов, их буйный рост и обильность или за неблагоприятные условия для урожая, его бедность. Бесконечный цикл жизни божества начинался с его рождения (воскрешения), сопровождался расцветом, за которым следовал переломный момент, и гибели, после которой следовало возрождение и так далее. Все эти многократно повторяющиеся фазы представляли собой персонифицированный образ природных жизненных сил, возрождения земли, наивысших точек в развитии и упадке производительной силы. Доказательства существования культа растительного божества встречаются во многих культурах (ацтекской, германо-скандинавской, египетской, сиро-финикийской, хеттской, древнегреческой, римской), и большинство ученых, занимающихся изучением религиозных воззрений древнего человека, склонны считать, что данный культ был распространен повсеместно. Его отголоски Д. Фрезер усматривает и в христианской религии.

На протяжении исторического развития культа удавалось сохранять его семантическое и сакральное значение. Однако менялась обрядово-ритуальная сторона, особенно в отношении жертвоприношений, выступающих как необходимость для милости или успешного воскресения растительного Бога. Смысл подобных ритуалов заключается в том, что все принесенное в жертву должно было быть посеянным для того, чтобы вновь взойти или же послужить удобрением для того, что должно было возродиться. Образ Божества, отвечающего за наполненность почвы жизненной силой, представляет собой персонифицированный образ природы. Соответственно календарный годовой цикл представлял собой именно цикл жизни божества растительности, каждый значительный элемент которой отмечался празднествами. «Драматические по форме, праздники были магическими по своему содержанию, то есть имели целью обеспечить возрождение растительной и животной жизни, находившейся зимой на грани отмирания» [Фрезер, 2006, с.10]. Концепция Д. Фрезера представляет собой своеобразное объединение трудовой и мифологической концепций, где культ божества, представляющий собой мифологическую основу, тесно накладывается на земледельческую деятельность общества. Минусы концепции Д. Фрезера практически те же, что и у предыдущих концепций, – отсутствие учета влияния других факторов на становление праздничной культуры, а также ограниченность концепции (отражение культа растительности встречается только у земледельческих народов). Наиболее весомым плюсом концепции является то, что она представляет собой наиболее точное отражение смысла первичного праздника, открывает возможности исследования религиозных культов и празднеств, на основе общего критерия, которым является сакрально-мифологическое, в видоизмененных формах сохранившееся и в современной культуре [Борисов, 2016].

Концепция заимствования, представляющая собой видоизмененную в рамках праздничной культуры версию так называемых «бродячих сюжетов», зародилась в конце XIX века; её основателями можно считать историков литературы и фольклористов А. Ве-

селовского, Е. Аничкова и В. Миллера. Авторы концепции стали заявителями идеи, утверждающей, что празднества не имели рамок национальной изолированности и обособленности, выделяя сходство между славянскими и древними греко-римскими праздниками. Смысл концепции сводится к тому, что в разных странах (и на разных континентах) отмечались праздники более чем сходные и по форме, и по содержанию. Однако стоит заметить, что географический диапазон у праздников-двойников намного шире. Так, например, славянский праздник «Иван Купала», английский «Белтейн» и немецкий «Майский праздник» почти идентичны. А элементы водо-огненной обрядности, которыми богаты вышеупомянутые праздники, встречаются в каждой культуре. Сторонниками школы заимствования делались акценты на совпадающих, наиболее обобщенных характерных чертах праздника, упуская из вида саму сакральную (религиозную или мифопоэтическую) основу праздника.

Е. Аничков анализировал трансформацию средневекового европейского празднества от обрядового заклинательного действия к явлению почти полностью художественному, лишенному сакрального смысла и призванному увеселять людей, объясняя эту трансформацию естественным ходом жизни с сопутствующей сменой религиозного сознания и появлением в жизни человека творчества. По мнению исследователя, эстетическая наполненность праздника рождается в традициях, особом времени, месте действия, с обрядово-ритуальным комплексом и художественным творчеством.

Концепция имеет ряд особенностей, расценить которые можно как положительные. Например, установление сходных черт в празднованиях разных народов можно рассматривать с позиции общности рас и народностей или как единый многовариантный культурно-исторический базис, начиная от псевдонаучных теорий и заканчивая прослеживанием общего религиозного, социального, трудового (или какого-либо другого изучаемого интереса) ядра в качестве основы для сравнения нескольких культур. Приверженцы концепции приносили много новой и интересной информации (основанной на наблюдениях, многочисленных анализах разных источников и практическом опыте) о других культурах, выдвигали разные идеи об их взаимоотношении. Сама теория заимствования подтолкнула ученых к изучению взаимодействия культур. Касаемо именно праздника, концепция помогает установить творческую, религиозную и обрядово-ритуальную общность, выявить наиболее схожие моменты в отношении к природе, религии, труду и обществу.

Вместе с тем авторы концепции сделали ряд достаточно спорных выводов. Так В. Миллер предполагал, что праздник Масленицы на самом деле является карнавалом. А. Веселовский и Е. Аничков решили, что существующие в славянской традиции святки – перекочевавшие из римской империи сатурналии. В принципе, эта ошибка характерна для всех представителей школы заимствования: акцентировать внимание на наиболее схожих чертах, рассматривать их детально, однако совершенно не обращать внимания на различия (часто являющиеся ведущими в восприятии праздника).

Автор следующей концепции, увидевшей свет в первой половине XX в., А. Пиотровский, известен, прежде всего, тем, что был основоположником теории «праздничного» происхождения театра. Следующее предположение ученого стало новым шагом в развитии советской науки о праздниках. А. Питоровский первым среди советских ученых рассмотрел праздник через призму социальных отношений, дал определение праздника, согласно которому в основе празднеств, вне зависимости от сменяющихся религиозных предпочтений и форм, лежит внутреннее противоречие, яркий социальный контекст, возникший в период развития классовых отношений и сохранения своих идейных основ, – освобождение празднующих от ежедневного тяжелого труда, будней, сложных социальных взаимоотношений, хлопот, обязанностей. Ученый на основании имеющейся информации сделал вывод, что праздник является временем общения и свободы. Из-за отмены всех привычных норм во время праздника рождаются подлинные человеческие отношения, эмоции, чувства. Одной из наиболее интересных концепций является появившаяся во

второй половине XX в. концепция М. Бахтина, которую называют миросозерцательной. Сам автор говорит, что «празднество всегда имело существенное и глубокое смысловое, миросозерцательное содержание. Никакое «упражнение» в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая «игра в труд» и никакой отдых или передышка в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической» [Бахтин, 2015].

М. Бахтин провозглашает связанность праздника не с трудовой деятельностью, а скорее с жизненным идеалом. Концепция представляет промежуточный вариант между аграрной и фрэзеровской теориями, органично сочетаясь с художественной мыслью, рассматривающей праздник как произведение искусства или же сугубо «декоративное» явление. Эта концепция отличается своей глубиной, рассматривая праздник с позиции человека как рефракцию жизни через многогранность культуры. Концепция акцентирует внимание на особом пограничном состоянии феномена, его двойственности. В рамках концепции М. Бахтин рассматривает средневековую культуру как двумирную (мир официальный и народный, ярчайшим представителем которого является карнавал) и выявляет роль карнавала как идеальной сверхжизни без ограничений, победы смехового начала над официальной серьезностью и мрачностью реальности. «Каждый праздник рядом со своей официальной – церковной и государственной – стороной имел еще вторую, народно-карнавальную, площадную сторону, организующим началом которой был смех и материально-телесный низ» [Бахтин, 2015, с. 43]. Все существующие в празднике переиначенные искаженные образы стремились к фиксации момента перехода из одной категории в другую, например, из власти официальной к власти народной, старости в младенчество, из короля в шута, из смерти в жизнь.

Карнавал был призван высмеять все серьезное, потешиться над официальным. Поведение в рамках карнавала было, с точки зрения современного человека, ужасающим и совершенно не похожим на карнавалы, проходящие сейчас. Карнавал сегодня – яркое глянцево-шестивое, призванное развлечь. Средневековый карнавал – жуткие маски, обильные алкогольные возлияния, непристойное поведение, сценки нецензурного характера, площадные, уличные, ярмарочные действия, пародии и смех, носивший ритуальный характер. Высмеивалось все: церковь, люди, власть, искусство, смерть, деньги, профессии, старость и многое другое. Но народный смех не злой, а праздничный, носящий утопический и миросозерцательный характер, кроме того, он амбивалентен – направлен и на смеющихся и на высмеиваемых. В этом смехе, конечно, в искаженной временем форме, бытовал мотив ритуального осмеяния богов. Миросозерцательная теория дает полное и понятное представление о праздничном времени и пространстве, о трансформации общества, природе смехового начала, «верхе» и «ниже», смыслах, приносимых праздником в жизнь народа. Однако отметим то, что не каждый праздник является карнавалом, и двойственная природа праздника так и не была до конца учтена автором концепции. Анализом праздника, его генезиса, функций и сфер влияния занимались не только советские ученые. Множество интересных концепций возникли в результате работы западных авторов. Одна из интереснейших для изучения концепций, созданная в первой половине XX в., принадлежит Й. Хейзинга, который по собственному утверждению, «с давних пор все более определенно шел к убеждению, что человеческая культура возникает и разворачивается в игре, как игра» [Хейзинга, 2007, с.19]. Работа ученого исследует и анализирует феномен игры, влияние этого феномена на сферы человеческой жизни и деятельности. Ученый рассматривает игру как отправную точку развития культуры и всех её форм.

Й. Хейзинга определяет игру как иррациональное образование, дающее импульс культуре и её развитию. Однако многие ученые вносят коррективы в имеющееся определение, считая момент определения игры наиболее уязвимым в концепции. Так, например, многие ученые склонны считать игру образованием труда и специфическим видом чело-

веческой деятельности, представляющим собой искусство общения в овеществленной форме. Если говорить о праздничной игре, то стоит учитывать её связь с эстетической категорией комического. Эта игра приводит людей в особенное возбужденное состояние, открывая им новый мир – особенный, праздничный, лишенный старых связей. Именно в контексте создания особого мира Й. Хейзинга рассматривает праздник. По его мнению, праздник выступает как своеобразная, не зависящая от каких либо факторов священная игра, через которую выражается осознание уверенности в ритуальном порядке вещей.

Ученый приоритетно рассматривает архаические культуры, так как находит абсолютное большинство воспроизводимых ими действий носящими активный игровой характер. Танцы, музыка, поэзия, развитие знаний, культы, урегулирования конфликтов и многое другое выступает и развивается, по мнению ученого, игрой в рамках игры. Развитие культуры также представляет собой процесс, в котором участие игры, по мнению автора, неоспоримо. Й. Хейзинга видит эволюцию цивилизации как смерть игры, а присутствующие формы скорее являются неудачной копией. Следуя своим взглядам, ученый считает, что возникновение и развитие настоящих праздников вне настоящих игр – невозможно. Реальны праздники имитации, основанные на пуерилизме, который автор определяет как определенную группу деятельности, где современный человек примеряет на себя модель поведения ребенка или подростка, требующего сенсаций, зрелищ, развлечений. У пуерилизма есть психологические свойства, которые были присуще многим людям и ранее, но только в конце XIX в. они приобрели массовый характер и циничную жестокость. Среди этих качеств недостаток чувства юмора и искаженное его восприятие, инфантильность, излишняя эмоциональность, нетерпимость, мнительность, подозрительность, ранимость, склонность к гиперболизации. Развитие пуерилизма, по мнению Й. Хейзинги и ряда других ученых, обусловлено целым рядом факторов, в гряде которых видные места занимает обрушение моральных и духовных ценностей и то, что в жизни общества стало принимать участие малограмотное население. Труд Й. Хейзинга представляет интерес не только из-за изложенной игровой концепции культуры в целом (и праздника в частности), но и из-за своего глубокого и проницательного взгляда в будущее, в котором автор видит продолжающийся кризис праздника, основой которого стало исчезновение элемента игры (или трансформация в имитацию игры).

Одна из наиболее интересных работ в сфере изучения праздника – «Праздник шутов» Х. Кокса. Автор создает концепцию, оформившуюся во второй половине XX в. из представления о праздничной сущности человека и из представления о человеке как фантазере и мифотворце. Он нарочито отвергает мысль о человеке-работнике, считая ее губительной, деформировавшей общество и пространство его обитания, нанесшей удар по всем сферам жизни и деятельности не только человека, но планеты и творящейся истории. По мнению автора, «работник» лишен подлинных чувств (в том числе праздничных), эмоций, фантазий. Также он утверждает, что праздник является одним из главных средств направления деструктивной энергии общества ей во благо или же ведет к положительной трансформации. Х. Кокс воспринимает праздник как некий социально утвержденный предлог для выражения чувств и эмоций, невостребованных в обыденной жизни.

Х. Кокс постулирует главенство воображения и праздника в историческом развитии человека. Ученый считает, что праздники восполняли человеческий опыт, в то время как фантазия расширяла возможности человека и освобождала из под гнета рассудительности. Подавление этих элементов представляет опасность для человека, общества и социально-исторического развития, так как они являются средством адаптации и обновления [Роднянская, 1976]. Ученый признает наличие в современном обществе глубокого кризиса культуры праздника, прежде всего связанного с исчезновением момента единения и передачи исторического знания. По мнению автора, стагис праздничной культуры сопряжен с помещением человека в технократическую картину мира с её быстрыми темпами, промышленностью, индустриализацией, наукой и многим другим. Главными же при-

чинами становятся исчезновение духа праздничности, оскудение фантазии, культ работы, материальных благ и утрата веры. Существенная новизна мысли Х. Кокса выражена в идее возрождения праздника, исчезновения изъянов общества и обратного процесса в возрождении праздничности и фантазии. Х. Кокс наблюдает черты этого возрождения в молодежных движениях, пропагандирующих творчество (как следствие развитие фантазии и воображения) и создающих новые, не совсем полноценные, зачастую бессодержательные, но праздники (или их абстрактное видение).

Однако во всей работе Х. Кокса, отличающейся обилием свежих для времени выхода материала взглядов, есть удивительно большой минус, не позволивший этой работе выйти в ряды передовых. Ученый построил все исследование на том, что праздник должен сохранять обилие существующих институтов, в первую очередь религиозных, и выступать своего рода ингибитором для всего разлагающего общества. Х. Кокс призывает использовать в церковном празднике юмор, неоавангардизм, политику и считает, что в современном мире нужна трансформированная религия с измененными верой, праздниками, отношением к святым. Главным образом новой веры, по мнению автора, должен выступить Иисус – арлекин, представляющий собой олицетворенный образ совокупности праздника и фантазии, в практику должны войти массовые праздники с игровым элементом. На первый взгляд это может показаться инновационным, однако такая практика, являющаяся стабилизатором общества, была широко распространена во времена средневековья, где находилось большое количество мест, отведенных праздникам, наполненным ритуальными бесчинствами и игрой, ловко прикрывающими сакральное ядро.

Из всего вышесказанного получается, что концепция Х. Кокса противоречит сама себе: автор утверждает, что кризис миновал, в то время как материал и заключения его работы говорят об абсолютной неспособности настоящего общества выйти из кризиса, так как абсолютное большинство новых форм праздника не жизнеспособны, а те, что удерживаются на плаву, представляют собой слабую реконструкцию уже известных.

Таким образом, в статье рассмотрены восемь наиболее изученных концепций: трудовая концепция, являющаяся осмыслением феномена праздника через труд; мифологическая концепция, в которой основой рефлексии являются миф и религия; концепция Д. Фрэзера, в которой праздники служат опорными точками жизненного цикла божества плодородия; концепция заимствования, полагающая, что вне зависимости от географии все праздники какого-либо определённого цикла являются схожими между собой; концепция А. Пиотровского, рассматривающая праздник как продукт социальных отношений; мирозерцательная концепция, представляющая собой понимание праздника как глубокого смыслового и вместе с тем эстетизированного феномена; игровая концепция, согласно которой праздник восходит корнями к игре и развивается в данном направлении; концепция Х. Кокса, предполагающая, что в основе праздника лежит представление о фантазирующем человеке, сам же праздник представляет собой инструмент для выражения эмоций, чувств и выработки благоприятной, гармонизирующей, созидательной энергии. Каждая концепция оказала существенное влияние на изучение праздника, предпосылок его возникновения, этапов его развития. Все концепции способствовали большему пониманию феномена, популяризировали изучение народной культуры.

Ввиду большого количества существующих концепций, единого объемного определения феномена праздника нет. Мы можем предпринять попытку дать синтетическое его определение на основе вышеизложенных концепций. В таком ключе и с учетом культурно-исторической изменчивости феномена праздника под ним можно понимать культурно-историческое явление, существующее в особенной пространственно-временной зоне, с обрядово-ритуальным базисом и игровым началом, в своей основе отличающимся массовостью и эмпатическим единением участников. В данном определении мы опираемся на трудовую, мифологическую, мирозерцательную и социальную концепции, а также используем идеи Й. Хейзинга.

Список литературы References

1. Афанасьев А. 2013. Поэтические воззрения славян на природу. М., Академический проект, 1520
Afanasyev A. 2013. Poeticheskie vozzrenia slavyan na prirodu. Moscow, Academicheskyy proekt [Slavs poetical outlook on nature], 1520 (in Russian)
2. Бахтин М. 2015. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., Эксмо, 640
Bakhtin M. 2015. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovyya i Rennessansa [Rabelais and His World]. Moscow, Eksmo, 640 (in Russian)
3. Борисов С.Н., Осыка Я.М. Метаморфозы сакрального: о феномене духовности в современном мире // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №3 (224). Вып. 35. Белгород, 2016. С. 65-74.
Borisov S.N., Osyka Ya.M. Metamorfozy sakral'nogo: o fenomene dukhovnosti v sovremennom mire // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №3 (224). Vyp. 35. Belgorod, 2016. S. 65-74.
4. Конович А. 1990. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М., Высшая школа, 208
Konovich A. 1990. Teatralizovannyye prazdniki i obrjady v SSSR [Theatrical feasts and ceremonies in the USSR]. Moscow, Vysshaya shkola, 208(in Russian)
5. Линник Ю. 2006. Космос русского праздника. Петрозаводск, 80
Linnik Yu. 2006. Kosmos russkogo prazdnika [Space of Russian feast]. Petrozavodsk, 80 (in Russian)
6. Мазаев. А. 1978. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования. М., Наука., 392
Mazayev A. 1978. Prazdnik kak sotsial'no-khudozhestvennoye yavleniye: Opyt istoriko-teoreticheskogo issledovaniya [Feast as a social-art phenomenon: The experience of historical and theoretical research]. Moscow, Nauka, 392 (in Russian)
7. Потебня А. 1989. Слово и миф М: Правда, 623
Potebnja A. 1989. Slovo i mif [Word and myth]. Moscow, Pravda, 623(in Russian)
8. Пропп В. Русские аграрные праздники. – М.: Лабиринт, 2009. – 176 с., стр 24
Propp V. 2009. Russkiye agrarnyye prazdniki [Russian agrarian feasts]. М., Labirint, 176 (in Russian)
9. Роднянская И. 1976. Кокс Х. Праздник шутов. Теологический очерк празднества и фантазии. М., 104
Rodnjanskaja I. 1976. Koks H. Prazdnik shutov. Teologicheskij ocherk prazdnestva i fantazii [H.Cox. Feast of fool. Theological essay of festivity and fantasy]. Moscow, 104
10. Фейербах Л. Сущность религии. URL: http://lib.ru/HRISTIAN/ATH/substanc.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 25.11.2017)
Fejerbah L. Sushhnost' religii [The essence of religion] (Feuerbach L. 2004. The Essence of Religion. Indiana, Prometheus Books, 75) Available at http://lib.ru/HRISTIAN/ATH/substanc.txt_with-big-pictures.html (accessed 25 November 2017) (in Russian)
11. Фрэзер Д. 2006. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Пер. с англ. М. Рыклин. М., Эксмо, 960
Frezer D. 2006. Zolotaya vetv. Issledovaniye magii i religii.[The golden bough] Per. s angl. M. Ryklin (Frazer J. 1922. The Golden Bough. NY., Macmillan, 752) Moscow, Eksmo, 960 (in Russian)
12. Хейзинга Й. 2007. Homo ludens. Человек играющий. Пер с гол. Д. Сильвестров. М., Азбука-классика, 384
Kheyzinga Y. 2007. Homo ludens. Chelovek igrayushchiy. Per s gol. D. Sil'vestrov.[Homo ludens] (Huizinga J. 1950. Homo ludens. H.D. Tjeenk Willink and Zoon N.V., Haarlem, 247) Moscow, Azbuka-klassika, 384 (in Russian)
13. Чичеров В. 2013. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI – XIX веков. М., Рипол Классик, 242
Chicherov V. 2013. Zimnij period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendarja XVI – XIX vekov.[The winter season of Russian folk agrarian calendar in XVI – XIX centuries] Moscow, Ripol Klassik, 242